

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Обратная сторона любви

Отнесу тело в ванную — от вчерашнего надо отмыться. Не доиграть мне в игру странную. В полёте не остановиться.

Курю. Паровозю. Прослыл выпивохою. Ненавижу гундосящих. За спиной суки охают. Ненавижу предателей. Сам предаюсь унынию. Такую жизнь изнахратили — был мальчик румяный — стал синий. И Пинженин Август 05

Фром даск тилл даун. А-а-а-а, ля-ля-ля. Какую чушь иногда снимают в этом дурацком Голливуде. Смотрю и диву даюсь. Вампиры — как из ваты, зубы деревянные. Фу.

А вот девочка на сцене со змеей хороша, ничего не скажешь.

И ведь смотрю, как дурак какой-то, ей-Богу. Вот что я здесь делаю? Здесь и сейчас? Ах, пишу, скажете... Да ну, отвечу я.

Я просто пытаюсь не сойти с ума. Не выброситься из окна и не вскрыть себе вены. Да все нормально, только я остался один. Со вчерашнего вечера и, похоже, навсегда.

Но начну по порядку.

Что-то как скрутило, как скрутило три дня назад. Словно после жуткого похмелья, когда краски с одной стороны тусклые, а с другой играют незнакомым спектром. Так и я — открыл утром глаза, взглянул на фото своей жены на тумбочке, и... Словно по расслабке под дых получил. Где, думаю, мои глаза все тринадцать лет были? Как я с этой уродиной их прожил? Блин, а я ведь с ней двоих киндеров заделал. Трахал ее по три часа кряду, как ей, «родимой», нравилось.

А что самое интересное: я к ней до этого неделю не мог прикоснуться. Черт его знает, что произошло тогда. Ну, не стоИт на нее, хоть тресни. Я уже и порнуху смотрел, и свечи зажигал, и всякий массаж пробовал. Хотел, было, за Виагрой бежать, да как-то стыдно стало. Тридцать семь лет всего лишь. Меня бабки в аптеке засмеют.

Так и прожили неделю, как соседи: она меня с дивана на пол выгнала. Как раз три дня назад она мне скандал закатила. Импотент, кричит, толку с тебя никакого. Пойду, говорит, в бар сниматься. Там, в отличие от тебя, настоящие мужики водятся.

За ней дверь тогда захлопнулась, а у меня внутри как будто кто-то сдох. Коньки отбросил и лежит там в пузе, разлагается. Ничего не могу с собой поделывать.

Ну полежал я чуток, да пошел на кухню чаю налить. Только чайник на плиту поставил, как дверь открылась. Анька пришла. Зареванная, как девчонка какая-то. Рыдает, глаза покраснели, нос распух. Говорит, извини меня, Ромашка. Не знаю, мол, что на меня нашло.

Я ее чуток приобнял, по спине погладил, в ухо чмокнул. Чую, зашевелился мой дружок. Да хорошо так раскочегарился. Ну, я и... отработал, как надо: как она любила — три часа. Благо, детей дома не было до самого вечера.

И вот лежим мы с ней на полу (до дивана не дошли) и я вдруг спрашиваю:

— Аня, а ты мне никогда не изменяла?

Через секунду я пожалел, что немым, как мой брат, не родился. Анька с пола подорвалась, как ошпаренная. По комнате заметалась, одежду поправляет, трусы натягивает. А лицо... краше в гроб кладут. Бледное, да с каким-то мертвецким отливом.

— Да как ты смеешь?! — визжит так, что я едва не оглох.

Блин, да я же просто так спросил, чего орать-то?

— Совсем мозги пропил? Или нашептал кто?

И тут чувствую, что закипаю. Как тот чайник, который я на плиту поставил и о котором мы оба забыли. Только у того свисток, а у меня вот-вот пар из ушей пойдет. Я рот раскрываю, да как рывкну прокурорским своим голосом:

— Заткнись, дура!

Она варезжку захлопнула, на меня смотрит. И в глазах что-то плещется. А что, я понять никак не могу. То ли испуг, то ли обида. А у меня чутье щелкает. Как бывает на допросах: посмотрю на подследственного, и уже знаю — виновен. Доказуха — никакая, свидетели — шуты гороховые, а я точно знаю, что он виноват. Хоть на месте стреляйте, хоть на куски меня режьте, но виноват и все.

Подхожу я к своей Аньке, бормочу что-то ласковое и дурное (сам с собой в «хорошего» и «плохого» следователя играю), пытаюсь ее успокоить. Она, вроде, затихает; к груди моей обнаженной приникает и всхлипывает еле слышно.

— Рома, — бормочет сквозь слезы, — как ты мог подумать? Кто тебя надоумил-то? Покажи мне ту сволочь, я сама ей в глаз плюну.

Ну, я ее успокоил, да она за детьми в сад отправилась. А я чаю себе все-таки налил, сигаретку прикурил, да в окошко стою, дымлю. И беспокойно у меня как-то внутри, ох беспокойно. Как будто кто-то немытыми ногами по моей свеженькой могиле прошелся.

Ну, да ладно, думаю, и на старуху бывает порнуха. Ошибся прокурор, с кем не случается. Даже волка чутье иногда подводит, да он в капкан попадается. А уж человек... совсем плевое дело.

Значит, было это третьего дня. А вчера пошел я на работу; сел за стол, разложил бумажки и жду, когда очередного подозреваемого на допрос приведут. Чаю несладкого хлебнул и сижую, протокол почитываю. Глянул под стопку бумаг, а из-под нее краешек диска виднеется. Удивился немного про себя, потому что никаких дисков у себя на столе не помню, да и достал ДВД. В руках повертел, ничего не понял. Никаких опознавательных знаков на блестящей поверхности не увидел. Что к чему? А-а, помню, как подумал: наверное, Виталик фильм смотрел и забыл у меня на столе.

Виталик — это мой наставник раньше был, когда я стажером в прокуратуру пришел. Был наставник, стал сосед по кабинету. Он в свое время меня и с Анькой познакомил.

Думаю, гляну-ка я одним глазком, чем там зампрокурора города увлекается. Вставил диск в компьютер, на «Плэй» нажал.

Вот тут-то меня и накрыло по полной. По самую маковку водой захлестнуло, а сверху еще и кувалдой приплющило. Поначалу-то я думал, что какая-то жесткая порнуха Виталика вставляет. Трое мужиков в резиновых шлемах на головах приходуют одну тетку в черной резине. Подвесили на цепях и хлещут ее, бедолагу, чем ни попадя. У тетки глаза завязаны широкой лентой (лица не разглядеть), а в зубах красный шарик. Она и кричать-то не может, только мычит, как корова. На цепях вертится, головой едва-едва шевелит.

Я от отвращения чуть не блеванул. Не люблю такое, честное слово. Уже и выключить хотел, да один из садистов подошел к жертве и повязку у нее с лица снял. Ручицей своей по груди ее провел и прямо к камере поворотил. И висела там на цепях... моя разлюбленная Анька. Та, у которой я тринадцать лет назад стал «вторым» и «единственным». А она у меня — первой и единственной.

Охранник подследственного привел, а у меня руки дрожат так, что я карандаш сломал. На

весь кабинет стоны да крики слышатся из компьютера. Едва выключить успел, чтобы не опозориться. Как допрос провел, не помню. О чем дурака напротив спрашивал, тоже не помню. Думал только об одном: какая гнида мне эту мерзость подсунула? У кого такое странное чувство юмора?

После допроса хотел Анькин номер набрать и все ей, проститутке, высказать, но передумал. Вспомнил, как Виталик меня, стажера зеленого, уму-разуму учил.

— Если хочется психануть, — говорил он мне, — посчитай до ста. Еще лучше до тысячи. Как считаешь, так принимай решение.

Я и посчитал. До трех сотен досчитал и решил не звонить. Интересную принес. Давай посмотрим, да попробуем, как там.

Аня удивилась слегка, потому что я таким не баловался ни разу, но согласилась. Бедрами завияляла и в комнату прошла. Я за ней. Даже не разувался. Зачем разуваться, если вдруг уходить придется. Так не буду же я на коленях перед ней шнурки завязывать.

Вставил диск в пасть дисководы и нажал «Плэй». Через пару секунд она закричала так, будто ее режут. Вцепилась ногтями в щеки и рванула со всей дури. Щеки мигом закровавели, лицо все перекопилось, глаза едва на пол не вывалились. Еще через секунду она свалилась на пол и задергалась там, как кукла. Орет благим матом, ногами дрыгает, голова мотыляется так, что вот-вот оторвется.

Я сначала на кухню за водой хотел сбежать, но остановился. Кулаки сжались сами собой. Так потянуло ударить, что едва сдержался. Она ко мне подползла, за колени обняла, скулит, как собака.

— Рома, прости. Они меня напоили. Ничего не помню, ничего не чувствовала. Что-то мне подсыпали, я только на цепях и очнулась.

Как я и тогда сдержался, чтобы ее не пнуть, не помню. У меня голова словно в тумане каком-то плавала. Перед глазами все расплывалось, и колени подгибались. Все силы в кулак собрал и спросил?

— Кто они?

— Не знаю, — ныла Анька. — Они в масках все время были. И молчали, я даже голоса узнать не смогла.

Блин, ну кто в нашем затхлом пятнадцатитысячном городишке может в такие игрушки играть? Развернулся я, как в армии по команде «Кругом» и из дома вышел. По улицам бродил, словно лунатик. Дороги не видел, обо все камни спотыкался. Чуть под автобус не попал, когда мне зачем-то вздумалось на другую сторону перейти. Очнулся только возле дома родительского друга — пастора баптисткой церкви.

Ну, думаю, сама судьба сюда мои ноги направила. Постучал в калиточку, услышал, как пес забрежал. Пастор на крыльцо вышел, фонариком себе под ноги осветил, да и открыл мне. Удивился так, будто мы с ним не вчера виделись, а три года назад.

— Ну, проходи, — пропустил меня во двор.

Сам огляделся странно, будто проверяя — нет ли за мной «хвоста», и калитку запер.

Я в дом-то вошел, а вот что дальше делать, как-то растерялся. Ну, не выложу я ему сразу, что моя супруга, с которой мы на алтаре венчались, оказалась шлюхой подзаборной. Но пастор — мужик умный, сразу понял, что я не в себе. Завел меня под локоток в гостиную, усадил в кресло, сам стул напротив подвинул.

— Рассказывай, Рома, — мягко так, как больному, сказал.

Я и выложил ему все, как на духу. Говорил, а сам глаза стыдился поднять. А как взгляд поднял, так чуть язык не проглотил. Пастор сидел, как будто кол сожрал. Спина прямая, лицо лиловое и сам еле дышит. Я, было, подумал, что его моя история до такого состояния довела. Хотел уже за водой бежать, но тут он голос подал. Откашлялся тихонько и каким-то странным тоном заговорил:

— Рома... если ты помнишь, я тебе еще перед свадьбой говорил, что порядочных женщин не осталось. Что все, как одна, продажные и лживые. Вспомни, как писал Екклезиаст: и нашел я, что горше смерти — женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, а руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

— Помню, — перебил я его, — но причем здесь это?

— А притом, что все они одинаковы. Все одним миром мазаны. Никого не отмолишь и грехов не отпустишь. А не можешь запретить — возглавь. Надо было тебе, дурачку, меня послушаться и загулять до свадьбы, как все гуляют. На кого ты почти полжизни потратил?

Короче, пастор еще долго говорил. Смысла я особо не уловил. Что-то о том, что глупость это все — верность семейная, любовь и прочая чепуха. Надо жить так, как хочется. Потому что жизнь одна, а наверху с каждым грешником возиться никому недосуг. Смотрю, а у него харя покраснелась, слюна брызжет, и сам он как-то надулся. И до того на маманиного поросенка Борьку стал похож, что мне аж смешно стало.

— Слышь, дружище, — говорю ему, — я что-то не понял. Так ты знал об Анькиных похождениях?

Пастор вмиг заткнулся, как рыба. Только глазами на меня лупает. Проглотил слюну и заюлил, заюлил, как блоха на сковороде:

— Как ты мог подумать, Рома? Да и вообще... все, что она говорит — правда. Сейчас такое творится вокруг, что даже неудивительно.

Вот чудно, так чудно. Я ведь ему об ее оправданиях ни слова не сказал, а он словно мысли мои прочитал.

— И что же она говорит? — спросил я осторожно.

Вот тут пастора совсем заклинило. Как программу на компе перемкнуло. Ни туда, ни сюда. Только рот открывает, словно сказать что хочет, а ни слова не вылетает. Махнул я на него рукой и вышел вон. На пса на цепочке прикрикнул и калитку за собой захлопнул с такой силой, что она, кажется, с петель слетела. Не знаю, я не оборачивался, только звук плямкающий услышал.

Домой пришел сам не помню как. Прошел опять не разуваясь, Анька на кресле клубком свернулась и лежит тихо, как мышь.

— Убирайся, — сказал я ей.

Схватил какую-то юбку, ей прямо в лицо швырнул. Она встрепенулась, на меня взглянула с испугом, стала быстро переодеваться. Вот тогда я вдруг и увидел ее во всей красе. Уродина уродиной. Толстая какая-то, зубы лошадиные, волосы — как пакля. Вся блеклая, словно рыба. Губы — варениками, нос — боксерский.

Как дверь за ней захлопнулась, так я и взвыл волком. Так мне хреново стало, что не описать. Виталику — наставнику своему бывшему — позвонил, хотел горем поделиться, да он что-то мямлить начал в трубку непонятное. Я и отключился от греха подальше. Сел в кресло, закурил. Пепел прямо на ковер стряхнул. Подумал, надо как-то себя в руки взять. И свой следовательский опыт подключать. Да что ж я не найду тех придурков? Да я же любого

мерзавца на чистую воду могу вывести. Надо только мысли в кучу собрать и по полочкам разложить. Вот тогда я и решил завести дневник и каждый шаг туда записывать. Кто что сказал, сделал или подумал. По крохам буду собирать, каждый взгляд исподлобья намертво зафиксирую. Носом землю буду рыть, но тварей этих найду.

P. S. авторские права защищены.